

Евгений Ельшов: «Верю — лучшие традиции выживут»

Евгений Николаевич Ельшов — ветеран ТАСС, член Союза журналистов Москвы делится своими воспоминаниями, размышляет о сегодняшней журналистике

«На тассовских «посиделках», вспоминая прошлое (ТАСС только что исполнилось 113 лет), ветераны, как правило, делятся последними новостями и своим опытом. Все озабочены тем, чтобы продлить не только физическую, но и творческую форму, не замкнуться исключительно в рамках быта, избежать роли блокадников. Всплывают интересные и поучительные истории. Поделился своим приключением и я...

Последняя неделя апреля. Весенняя ломка климата, ломается и состояние организма. Участковый врач рекомендует госпитализацию. С календарем в руках я рассчитал: двух недель должно хватить, чтобы поутихли мои болячки, а потом вырваться на волю и вместе с однополчанами отметить День Победы. На 60-летие я участвовал в параде на Красной площади (нас торжественно провезли на машинах военного времени), а на 65-летие нам пошили форму и усадили на почетную трибуну...

Но тут — провал! На календаре — уже 9 Мая. Врачи и сестры меня успокаивают: так бывает, я не рассчитал ресурс своего организма, и теперь он диктует правила поведения. Болезни вцепились в него и сегодня, в День Победы, на встречу с родными и друзьями меня непустили. Буквально приковали к

постели. Лежу под капельницей. Мне в вены добавляют плазму и донорскую кровь

Вдруг в середине дня из коридора послышался шум и крики: «Артисты приехали!». На первом этаже, при закладке госпиталя 25 лет тому назад, наряду с храмом, правительство Москвы не поскупилось соорудить и просторный концертный (актовый) зал. Участников войны почти не осталось (в нашем отделении вместе со мной только двое), а память жива. Короче говоря, я оказался в блокаде. Надо прорываться...

Прошу сестру: «Миленькая, это же ко мне приехали, освободите меня, выньте шприц из вены, после концерта продолжим процедуру». Медсестра была доброй, взяла мою антиустановную затею на свою совесть, даже помогла добраться до зала. Выступал казачий хор. Во время короткой паузы я попросил слова и прочитал свои стихи:

***Было бы совсем не так, ребята,
На просторах всей нашей земли,
Если б встали лучшие солдаты,
Что в боях когда-то полегли.***

***Было бы совсем не так, ребята –
Не было б развала без войны,
Не стояло б у границы НАТО,
Дани не платили б без вины.***

Не буду цитировать полностью – это было опубликовано в СМИ.

От имени ветеранов войны я поблагодарил госпиталь за заботу. После концерта меня так же на коляске отвезли в палату, уложили в постель и вернули шприц в вену. Госпиталь для меня как дом родной. В книгах отзывов пациентов мелькает и моя короткая запись:

***«Может, я сюда вернусь,
Трудно зарекаться.
Я за госпиталь молюсь,***

Чтоб ему остаться...».

Последнее пожелание – это реплика тем, кто мечтает реформировать медицинское учреждение в коммерческих целях. В ответ на эти попытки фронтовики в своих письмах Минздраву напоминают, что государство всё еще остается в долгу перед ними за Великую Победу. Да, в госпитале не все идеально, но он совершенствуется и пользуется заслуженным авторитетом.

К 20 мая (мой день рождения) меня из госпиталя выписали, а уже дома торжественно поздравили. Хотя дата была не круглая, устроили церемонию в библиотеке имени М. Шолохова («После 90 лет, – сказали мне, – каждый год «круглый», юбилейный»). К библиотеке у меня отношение особое. Когда-то я написал:

**Вы дороги мне, верные друзья,
Как стоптанные старые ботинки.
Без вас ступить и шагу мне нельзя,
Как путнику без хоженной тропинки.**

**Потрепаны, помяты – ерунда:
Кому-то, видно, тоже помогали.
Но если нет страницы, то беда:
С ней истину навек у нас украли.**

Приведу и другое стихотворение про книги, шуточное. Его я написал, пытаюсь сочетать в метро чтение и еще кое-что, тоже важное:

**Я книгу в метро потерял –
Забыл, уронил, растерялся.
Не то, чтоб азартно читал,
А с кем-то в пути заболтался.**

**Теперь я потерян и сам –
Без этой книжонки – ни шагу,
Взамен что угодно отдам,
Хоть ценную даже бумагу.**

***Я даже и книгу, бог с ней,
Отдам без большого урона...
Но вы хоть верните скорей
Страницу с ее... телефоном.***

Из-за госпитализации я упустил некоторые важные массовые мероприятия, включая ветеранские. Но только не день рождения ТАСС, 113-ю годовщину создания телеграфного агентства, где я проработал много лет. Он совпадает с днем знаний 1 сентября. На торжественной церемонии выступил генеральный директор Сергей Михайлов. ТАСС вполне современное информационное агентство: пишет, говорит и показывает. В этом году он стал самым цитируемым среди конкурентов. Администрация умудрилась, в пределах той же площади, на четвертом этаже открыть «новое редакционное пространство», куда переселятся главный выпуск и некоторые редакции. Вручили награды отличившимся сотрудникам. А одному ветерану – удостоверение нового образца. Потом мы подняли бокалы с шампанским, и я вспомнил тост, который звучал раньше: «За вас, за нас и за ТАСС»! Я стоял среди молодежи, не находя сверстников и коллег. Я пытаюсь оправдать их: повели внуков в школу, копают грядки на даче, пошатнулось здоровье... Может, была и другая причина, но о ней не хочется думать.

Вспоминаю, как 40 лет тому назад мы таскали тяжелые плиты при закладке нового 8-этажного здания. Мы-то готовы были к воплощению первого проекта: 25-, а потом 20-этажного небоскреба, но в процессе обсуждения и утверждения проект подрезали, и он выжил лишь в форме нынешнего восьмигранного кубика «телевизора». А жаль! Иначе бы не пришлось сегодня выкраивать у него «новое пространство».

Я прошел многие ступени тассовской карьерной «лестницы», в том числе Главной редакции иностранной информации. По заданию ТАСС ездил в рискованные командировки (например, на высадку наемников на Кубе, военный переворот в Аргентине). Встречался с Фиделем Кастро и Че Геварой. Брал интервью у перуанских путчистов. Полулегально пробрался на Панамский канал и открыл там корпункт. Побывал у индейцев Чили. Многолетний опыт старой

гвардии похоронить невозможно. Лет пять тому назад была издана книга: «ТАСС – фронтовое поколение». В книге есть комментарий о моей работе, с иллюстрациями и фрагментами важнейших публикаций. И таких была целая «могучая кучка» преданных идее журналистов.

Сегодня остро стоит вопрос не только о роли СМИ, но и о качестве журналистики. Авторитетными кругами и персонами признано, что этот уровень за последнее время снизился. Об этом заявил и заместитель генерального директора ТАСС, главный редактор Максим Филимонов:

«Надо признать, что качество журналистов падает и там, и здесь. И даже в лучших изданиях уровень отработки источников и степень проверки стали гораздо ниже... Объяснения этому простые – рост скоростей и требований к количеству со стороны работодателей не дает возможности работать над материалом столько, сколько можно было работать раньше».

Главный редактор коснулся не только дефицита времени, но и другого дефицита: «Больше всего в работе напрягают ресурсные ограничения, которые не позволяют вкладывать в развитие того, что мы хотим и должны делать в идеальном мире».

Однако среди общественности высказывается и такая причина упадка журналистики: игнорирование моральных и этических принципов. Смещаются общепринятые ценности. Свобода слова – это не право журналиста говорить, что думаешь, а конституционное право народа получать достоверную информацию.

Вот несколько примеров. Вместо серьезного анализа роли Саакашвили в событиях на Украине, наши СМИ увлеклись его курьезными поступками. Показывали, как он паниковал и жевал свой галстук, пересекал государственную границу и т. п. Мы не вмешивались в избирательную кампанию США, но с морально-этической стороны наши СМИ вели себя не лучшим образом: насмехались над дебатами, воспроизводили пародии на кандидатов, показывали нелестные картины из биографии Клинтон

и целые стаи любовниц Трампа. Я еще невольно подумал тогда: вдруг он победит и нам придется с ним сотрудничать. Может сохранить обиды...

ТАСС не был чемпионом среди самых быстрых агентств – отставал, но по достоверности и точности не уступал, за это его и ценили. Как время по часам, по ТАССу сверяли свои информационные версии другие агентства. Этим мы гордились, свой опыт передавали коллегам других СМИ.

В агентстве формально продолжает числиться, но с творческой деятельностью агентства не связана Ассоциация ветеранов журналистов. Традиционные мастер-класс и прочие формы работы с молодежью отменены. Нет газеты-многотиражки, которая отводила много места теории и практике журналистского дела. Ее миссии не может компенсировать нынешний скромный портал.

Я болею за судьбу ТАСС, прекрасной школы журналистики и страноведения, которой я отдал несколько десятков лет жизни. Его будущее трудно предсказать, как и судьбу страны, испытывающей мощные потрясения внутри и извне. Но я верю, что лучшие традиции выживут, ведь ТАСС уполномочен».

Евгений Ельшов. 5 октября 2017 г.

Фото Ольги Давыдовой

«На вооружении у меня кроме автомата был теперь и блокнот...»

Е.Н Ельшов на Параде 9 мая
2010 г.

***Из дневника фронтовика, ветерана журналистики
Евгения Николаевича Ельшова***

Несколько дней СЖМ жил памятью о замечательном военном корреспонденте и писателе Константине Симонове, которому в эти дни исполнилось бы сто лет. Символично, что юбилей именинника совпал с годовщиной начала контрнаступления советских войск под Москвой. Мне посчастливилось принять участие в торжествах, которые проводил Союз журналистов Москвы. Впечатлений много...

27 ноября. Собираемся фойе Домжура. Нас радушно встречает Л.В. Щербина, которую я вслух нарек «нашей железной, но достаточно сердечной леди».

Выходя вместе с коллегами в дворик Домжура, я не удержался и вслух процитировал фрагмент своего стихотворения:

*Я рискую и – вперед!
Есть на то причина:
У Никитских у ворот
Ждет меня... (в оригинале: «судьбина»),*

но я сделал паузу, сюда в рифму можно вставить другое слово; и улыбающиеся коллеги почти хором произнесли: «Ждет тебя...Щербина».

В дворике Домжура возле памятника фронтовым корреспондентам мы, ветераны войны и журналистики, передали каску с землей

членам автопробега Москва-Могилев, посвященного 100-летию автора знаменитых строк «Жди меня», пожелав им доброго пути. Я сказал пару слов о встречах и солидарности с однополчанами Белоруссии, которую навещаю почти каждый год. Вспомнил писателя Анатолия Кузьмичева, который работал во фронтовой газете и много писал о Великой Отечественной войне.

4 декабря. Мария Яковлевна Орлова, приглашая меня в Белый зал СЖМ и выведывая по телефону детали моей военной биографии, не уточнила повестки дня нашего собрания. Оказалось, нам приготовили сюрприз: вручение фронтовикам, ветеранам журналистики памятного знака «100 лет Константину Симонову». Для этого приехал председатель нашего Союза, главный редактор «Московского Комсомольца» П.Н. Гусев.

На наших «посиделках» в Белом зале СЖМ я не раз исполнял «Песню военных корреспондентов» на слова Константина Симонова. И такой финал хорошо встречали. Делал я это не по прихоти и не из особой любви к вокалу. Просто хотелось хоть ненадолго быть причастным к военкоровской братии. 5 мая (в День печати) 1945 года, то есть, за несколько дней до конца войны, меня, пехотинца-автоматчика, вызвали с переднего края в политотдел армии и назначили военным корреспондентом дивизионной газеты. Прочитали в анкете, что до призыва я немного поработал в «районке». Мало что изменилось с назначением: я снова отправился на передний край, но на вооружении у меня кроме автомата был теперь и блокнот.

На встрече я поблагодарил Людмилу Васильевну и Павла Николаевича за поддержку творчества журналистов, в частности, за идею публиковать воспоминания ветеранов войны в виде приложения в «МК» и других СМИ. Но журналисты мечтают о своей газете. Справедливо сказано, что журналистика – не столько специальность, сколько образ жизни. Высказать свое наблюдение и понимание событий – это наша насущная потребность.

Очень точно сказал в одном из Посланий о роли СМИ президент В. Путин. Вот эти слова: «И сегодня... активная, ответственная

позиция СМИ, по-настоящему независимая и смелая журналистика как никогда востребованы, необходимы России».

Кто-то из награжденных сказал в своем выступлении, что охотно читает анекдоты в «МК», даже процитировал один. Я же с большим интересом читаю солидные и серьезные журналистские расследования в «МК», о чем и сказал Павлу Николаевичу.

Потом был фуршет. Хорошо «посидели», продолжая меж тостами высказывать застрявшие в голове мысли. А Людмила Васильевна в помощь двум приглашенным молодым певцам буквально сколотила маленький хор из журналистов.

Было еще светло, когда мы разошлись по домам. В пути я раскрыл подаренную книгу «Москва в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов», зачитался, и мой трамвай №13 провез меня до библиотеки имени М. Шолохова. Там теперь работают допоздна, и я не преминул заглянуть. Рассказал о только что пережитом в СЖМ, показал награду, пообещал выступить перед молодыми читателями.

5 декабря. Именно сегодня знаменательная дата – День воинской славы: начало контрнаступления под Москвой. Книгу о военной Москве я временно оставил в ОДП (отделении дневного пребывания), что на ближайшей от моего дома Халтуринской улице. Здесь собираются ветераны. Пусть читают и смотрят богато иллюстрированное издание, поищут в фотографиях знакомые лица. Потому что пережившие большую войну и потерявшие своих близких люди настойчиво верят: родные портреты непременно где-то запечатлены – надо только найти такую книгу.

8 декабря 2015 г.

«Боль моя, Сакартвело!»

Книга с таким названием вышла в издательстве «Художественная литература» в 2015 году. Ее автор – журналист, член Союза журналистов Москвы Леонид Круглов.

Такое название своей книге Леонид Васильевич дал не случайно. Теплые, светлые и радостные чувства и воспоминания у него связаны с Грузией. Журналист с 50-летним стажем и литератор, автор неоднократно бывал в Грузии и сохранил о ней незабываемое впечатление. Отсюда и подзаголовок: «Из грузинского блокнота».

Книга повествует о многих событиях: это и стихийные бедствия, постигшие Грузию зимой 1987 года, – наводнения и сходы лавин в горах; и спасение реликтовых лесов Боржомского ущелья от нашествия вредителей; и рассказ о пионере российской авиации, выходце из Грузии... Автор прослеживает исторический путь развития России и Грузии с времен Петра I, рассказывает о тесной связи русской и грузинской литературы, начиная с Шота Руставели, повествует об истоках так

называемой народной дипломатии, возникшей в трудную пору взаимных претензий и разногласий; поднимает вопрос о том, как строить наши будущие взаимоотношения. Слишком много нас сблизило за прошедшие столетия, чтобы можно было вот так, разом, отвернуться друг от друга. Позиция автора: непредвзято оценивать сегодняшние события, относиться к происшедшей трагедии с пониманием, открыто и добросердечно вести диалог.

Книга пронизана болью за распад Советского Союза. В то же время автор не теряет надежды на лучшее: «Надо спокойно принять как данность, что бывшие советские республики, в том числе Грузия, стали самостоятельными, независимыми государствами. И если на что-то уповать в сближении России и Грузии, то лишь на общее великое историческое и культурное наследие. Без этого нормальных отношений ни сейчас, ни в будущем не построишь. Мы очень разные, но сколько в нас общего!»

Книга очень легко читается. Стиль автора прост и в то же время очень метафоричен и даже несколько ироничен.

Очень точно пишет о Круглове-писателе, Круглове-журналисте в предисловии к книге его коллеги Александр Кабаков:

«Леонид Круглов – писатель чистой воды, потому что его памяти хватило бы на десяток обычных литераторов». «... если бы я не знал автора как тонкого знатока и высоко профессионала литературы, я подумал бы, что излишняя старомодность текста получилась сама собой. Но она так идеально соответствует теме, создает такую достоверную атмосферу внутри рассказа, что понимаешь – так само не пишется. Воспоминания о советском образе сосуществования народов написаны таким образом, будто завтра их предстоит сдать в газету того же времени».

Книга рассчитана на широкого читателя, который не только обогатится новыми знаниями о Грузии, но и получит огромное удовольствие просто от процесса чтения.

Несколько слов об авторе:

родился в 1937 году. В 1962 году окончил литературный институт. Работал в газетах «Гудок» и «Сельская жизнь». Основная тема выступлений – экология. Член Союза журналистов Москвы и член Союза писателей Москвы. Автор книг: «Ничто не проходит – записки старого репортера», повести «Мост Александра Македонского», стихотворного сборника для детей «Птичий алфавит». Лауреат премии Московской организации Союза журналистов СССР, победитель экологического конкурса Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры.

Фото Ольги Давыдовой.

«Вдохновению» все возрасты покорны...

С Ниной Георгиевной Тумановой мы познакомились в секторе учета СЖМ. Разговорились. Она стала рассказывать о себе, о муже, о доме, в котором живет. Мы попросили коллегу написать материал для нашего сайта.

...Мы с мужем – журналисты. Виталий Леонидович Туманов был собкором «Строительной газеты». Более 50 лет мы решали в разных концах страны профессиональные вопросы. Но у мужа, где-

то на задворках души, скрывались поэтические и прозаические задумки. Конечно, времени на их реализацию не было.

С выходом на пенсию стали жить в Москве. Какое раздолье для творчества появилось у мужа: сотрудничество с газетами, журналами, серии юмористических выступлений...

Но здоровье было подорвано, а для творческих людей это трагедия. Значит, состарились – решили мы. Дом престарелых – неприятное для слуха название – прямо скажем, не прельщал. А тут прочитали про Социальный жилой Дом (СЖД) в Марьино. Решили посмотреть и сразу обомлели, как только вошли.

Администрация социального дома предпринимает все возможное, чтобы активизировать своих пенсионеров, вызвать у них интерес к жизни. С этой целью весь второй этаж отведен под зону отдыха. Здесь бильярдный зал и роскошный зимний сад – концертный зал и библиотека. Постоянно работает выставка работ жильцов дома. Мы посмотрели квартиру, в которой будем жить. Две комнаты, кухня, балкон, в самом доме столовая, магазин, санчасть с круглосуточной работой медиков.

И пошла у мужа творческая, интенсивная «лихорадка». Несколько книг написал сразу, правда издали только «Дальневосточных аборигенов» (сказки), другие – за свой счет... Но две пенсии в бюджете нашей семьи – это вполне нормально. Когда в доме появился интернет-зал, все дни стали рабочими. Мужу часто писали, сообщали из других городов, какие произведения на его стихи исполняются.

Событием для Дома стал приезд к нам композитора из Канады, который написал музыку на стихи Туманова. Наши друзья по Дому зарядились творческим энтузиазмом и стали открывать в себе новые таланты: кто-то начал писать стихи, кто-то музыку... Так возникла наша студия «Вдохновение», объединившая людей самых разных возрастов. Благодаря активной помощи администрации и непосредственно нашего энергичного директора Социального жилого Дома «Марьино» Натальи Александровны Ахрамеевой, условиям, которые созданы в нашем социальном доме Московским Правительством, творческая работа набирала свои обороты, расширяла зрительскую аудиторию. Когда мы об этом рассказывали, нам не верили, особенно в отдаленных сельских районах: «Так хорошо, как вы показываете, просто не бывает, вы делаете это для того, чтобы люди шли в ваши «Дома престарелых».

Трудно разубедить, тем более, когда с экрана телевизора в Шоу, в прямом эфире от высокообразованных людей, знающих за границу лучше, чем родную страну, слышишь: «Вот в Америке в таких Домах стоит только кнопку нажать...». Не знаю, какая кнопка у американских ветеранов, но на нашей кнопке круглосуточно дежурит медицинский и обслуживающий персонал. Сами про себя мы говорим: «Просто не верится, что в таких условиях встречаем свою старость,... но это правда».

В Союзе журналистов Москвы, куда часто захожу, мне говорят: «Знаем про Ваш Дом, про студию, беседуем про это, особенно с одинокими пенсионерами. Они тоже не очень верят, что так может быть».

Не хочу решение серьезных дел называть рекламой, но знать пенсионерам, да и просто жителям города, о возможностях лучше обустроить свою жизнь просто необходимо. Куда исчезли с экрана телевизора передачи для людей старшего возраста? Причем с телеканала, принадлежащего в основном Правительству Москвы, который не только может рассказать о проблеме, но в ряде случаев поможет быстро решить ее. Пенсионеры тоже имеют право голоса. А без глубокого знания их проблем, не осуществить даже

малого...

Не
во
льно
но
во
зв
ра
ща

юсь к созданию в нашем Доме музыкально-поэтической студии «Вдохновение». Что можно сделать одним творческим вдохновением, если б не было интернет-залов, встреч с деятелями культуры, концертов, если бы у руководителей Дома заботы о студии не были на том же первом плане, что и социальные вопросы.

Многие ветераны еще помнят презентацию книги Виталия Леонидовича Туманова «С музыкальным ключом на Пегасе», которую студия «Вдохновение» провела в СЖД «Марьино» 24 декабря 2013 года. На презентации присутствовало более 100 человек – жители Дома и приглашенные гости. Среди них: председатель литературно-творческого объединения «Марьинская муза» ЮВАО В.П. Шаповал, представитель Управы района Марьино М.Г. Абрамова, председатель общества ветеранов Великой Отечественной войны и труда района Марьино Ю.А. Ромашкина, канадский композитор господин Лезли Крэбтри. Это был удивительный концерт с просмотром видеодисков студии.

Сейчас у студийцев тяжелый период, ушел из жизни организатор студии Виталий Леонидович Туманов. Студия «Вдохновение» была его последней творческой работой, в которой он был по-настоящему счастливым человеком.

В нашей журналистской семье мы многие профессиональные вопросы решали вместе. И первое, что я срочно сделала, – отредактировала книгу о студии не только как путеводитель для продолжения нашей работы, не только, как память, но и как

наказ пришедшим сменам проявлять себя в творчестве. Планируем, что студия «Вдохновение» внесет свою лепту в подготовку к 70-летию нашей Великой Победы».

*Нина Туманова, ветеран журналистики, член СЖМ.
Фото из архива автора.*

Валентина Серганова и главная книга её жизни

Предлагаем материал члена нашего Союза Валентины Александровны Сергановой

Первая публикация Валентины Александровны в прессе – статья «Неистовый гений Виссариона» – появилась в журнале «В мире книг» в 1966 году. Публиковала рецензии и статьи в «Пионерской правде», «Молодой гвардии», «Книжном обозрении».

29 лет отработала в издательстве «Современник»: редактором, старшим редактором, ведущим редактором. Была ответственным редактором Собрания сочинений В.С. Пикуля (в четырех томах), получившего Государственную премию; 12-томного Собрания сочинений М. Горького под редакцией А.И. Овчаренко; 80-томной библиотеки «Государи Руси Великой» (составителем серии и публикатором нескольких томов); 11-томной серии «Сокровища русского фольклора». Адаптировала и

проиллюстрировала том Всеобщей истории Д.И. Иловайского, получивший на книжной выставке-ярмарке в Орле в 1998 г.

Большую золотую медаль – «Лучший учебник года»; публикатор и автор-составитель книг: А.Г. Петискус «Боги и легенды Олимпа» (М.: Современник, 2000); сборник «Тайны, скрытые забралом» (М.: Современник, 2002); сборник «Шипка и Плевна – слава русского оружия» (М.: Современник, 2003), совместно с Ю.Н. Сенчуровым.

В настоящее время на творческой работе. Член Профессионального комитета московских литераторов, член Русского исторического общества.

Главным событием жизни В.А. Сергановой стала встреча с творчеством Валерия Иольевича Язвицкого. К двойному юбилею писателя – 50-летию со дня смерти и 125-летию со дня рождения были подготовлены публикации о его жизни и творчестве в журналах «Аграрная Россия» (№ 5, 2007 г.), «Московский журнал» (№ 11, 2007 г.), «Роман-журнал XXI век» (№ 1, 2008 и №№ 1-2 2009 г.).

В этом году исполнилось 40 лет, как Валентина Серганова связала свою судьбу с издательской деятельностью Москвы: в июле 1970 года начинала в издательстве «Книга».

Поздравляет Валентину Александровну с трудовым юбилеем. Желаем крепкого здоровья и творческого долголетия.

Главная книга жизни

К 50-летию со дня смерти и 125-летию со дня рождения Валерия Язвицкого

В конце 30-х годов прошлого столетия в редакциях московских журналов и газет и в издательствах – «Недра», «Знание», «Советский писатель» – часто видели высокого седовласого человека, скорее даже по виду (хотя это было и не популярно), «господина», которого звали, как это было принято в писательской среде, по имени – Валерий. Это был Валерий Язвицкий. Что о нем знали? Что это интеллектуал. Да! И популяризатор науки. Что сам он работал в какой-то зарубежной лаборатории, давно, еще до революции. И даже запомнились

опубликованные рассказы странного толка – о невесомости и перемещении предметов на расстоянии – то есть о гравитации. Откуда у него были эти познания, никто точно не знал. Но он пережил трудное время. Его не называли «попутчиком», как называли многих писателей сложившихся до революции.

Перед самой войной (1941 года) он стал появляться на людях редко – говорили, что засел за какую-то большую работу. Отрывки из нее стали появляться в периодике. Его теперь больше видели в Архиве древних актов, Исторической библиотеке, Историческом музее. Даже в своем доме в Баковке он останавливался ненадолго, передоверив все заботы жене. Валерий Язвицкий начал крестный путь своей главной книге жизни.

Разительно несоответствие широкой и прочной популярности эпопеи «Иван III – государь всея Руси» с тем немногим, что сообщалось в печати о ее авторе. Даже имя и отчество писателя указывались не всегда верно... И дата рождения.

Валерий Иоильевич Язвицкий родился 12/25 января 1883 года в селе Орлов-Гай Самарской губернии Новоузенского уезда. Его отец, Иоиль Иванович, происходил из семьи священника, многодетной и потому не имевшей возможности помогать ему, когда он уехал в город для продолжения учения. Студентом ходил в рваных сапогах на босу ногу, падал на улице от голода, поседел на двадцатом году, а курс наук окончил прекрасно и был оставлен при университете. Но вскоре Иоиль Иванович женился и для содержания собственной семьи стал работать в земстве, врачом. И начались странствия его семьи по всей России.

«Мой отец, – вспоминал впоследствии Валерий Язвицкий, – был передовым человеком своего времени, борцом за всякие новшества: то он вводил горячие бесплатные завтраки в школе, то организовывал общества трезвости в селах и деревнях, то добивался улучшения питания и ассортимента лечебных средств для больных в земских больницах. Администрация земских управ не очень-то приветствовала все эти заботы о населении со стороны своего врача, потому возникали всякого рода споры, трения, и Иоиль Иванович уезжал в другую губернию, надеясь в другом месте найти себе единомышленников. По поводу всех этих вопросов у Иоиля Ивановича была переписка с Л.Н. Толстым».

Практическая деятельность интеллигенции была названа позднее «теорией малых дел», но благодаря ей в России была создана крепкая сеть кооперации, земских школ и больниц..

Отец был первым человеком, зародившим в будущем писателе чувство милосердия и личного долга перед соотечественниками. Но еще раньше родилась у него горячая сыновья любовь к тому, кто, несмотря на загруженность работой и немыслимой для современного интеллигента отдачей времени и сил на «общественное дело», был для семьи и добрым управителем и ее душой.

По вечерам семья собиралась за столом – отец любил читать вслух. Мать, Мария Васильевна, родом с Украины была хорошей рассказчицей, знала сказки, бывальщины и разные истории из украинского быта, забавно передавала их в лицах на украинском языке. Семья поддерживала тесные связи с родней, многочисленной – дяди, тетки, двоюродные братья и сестры всех возрастов часто езживали в гости, встречались в застольях, пели песни и романсы; атмосфера веселой непринужденности, внутренней раскованности царила в доме.

От отца Валерий узнавал о растениях и животных, составлял под его руководством гербарии, собирал коллекции насекомых, птичьих гнезд и яиц, заспиртовывал редких водяных животных, а также получил первые представления о «событиях исторических и Священной истории». При всем том мальчик отличался от сверстников и ростом и физической силой, красивым от природы голосом, драматическим даром, любознательностью и изобретательностью. Подчас это влекло к непредвиденным последствиям. Сначала пиротехнические упражнения – в полночь на крыше Пензенской гимназии была сожжена огромная «римская свеча, выбросившая с грохотом в небо разноцветные звезды и переполошившая город. Валерия, как инициатора, исключи из первого класса. Родителям пришлось подыскивать другой город, где можно было бы продолжить образование детей. В Саратове Валерия исключают без права поступления из второго класса гимназии за организацию побега в Америку – у беглецов среди мирных припасов нашли порох, дробь, кремневый пистолет, финский нож, табак и водку («виски») для «краснокожих

братьев», – вещи непозволительные для гимназиста. После трудных и долгих поисков Иоилю Ивановичу удалось устроить сына-фантазера во Вторую казанскую гимназию. Валерий поселяется «на хлебы» к брату матери Алексею Васильевичу Лапкову.

Здесь, в казанской гимназии, начались его первые пробы пера и пришла известность. В 1903 году Язвицкий пишет пьесу о жизни татарской женщины.

«Болезнь духа». Пьеса была с одобрением прочитана и во время гастролей В.Ф. Комиссаржевской поставлена на сцене Казанского городского театра. Драма с воодушевлением принималась молодежью. После премьеры на импровизированном митинге ораторы выступали с пламенными речами против семейного деспотизма, за раскрепощение женщины. По случаю успеха пьесы в Казани даже была выпущена марка с изображением юного драматурга.

Однако гимназическое начальство по-своему расценило успех своего подопечного: Язвицкого немедленно исключают – за постановку пьесы без разрешения директора гимназии, скорее же за вольнодумство содержания. Только благодаря ходатайству городской думы в Министерство народного просвещения гимназист Язвицкий допускается к экзаменам на аттестат зрелости.

Дальнейшая дорога определилась сама собой – историко-филологический факультет Казанского университета, известного своим свободомыслием и блестящим преподавательским составом. Учится Валерий Язвицкий с увлечением, кроме лекций своего факультета, он слушает курс физики у Гельцгаммера, историю права у Шершеневича – тогдашних светил, успевает рисовать в воскресной школе живописи, писать стихи и рассказы и – занимается революционной работой в РСДРП, куда вступил еще гимназистом. Путь Валерия Язвицкого – типичный путь молодого человека передовых взглядов того времени, отличающийся разве лишь его индивидуальной одаренностью и ранней самостоятельностью. Чтобы не обременять отца высылкой денег на жизнь, студент Язвицкий поступает секретарем в газету «Волжский листок», где в то время сотрудничали Яков Свердлов и Александр Накоряков. Здесь печатаются его первые рассказы, стихи. На сюжет из гимназической жизни он пишет вторую пьесу –

«Отпетый». Пьеса получила хороший отзыв на конкурсе имени А. Н. Островского, но к постановке запрещена цензурой.

Шел 1905 год, Язвицкий – член объединенного революционного комитета, работавшего под руководством И. А. Саммера, посланного из Женевы в Казань. Валерий вместе с товарищами студентами – на баррикадах... Революционный романтизм тех лет определял поведение значительной части русского общества: оппозиция официальной власти была естественной позой для каждого, считающего себя либералом. Студентов с разбитых баррикад отправили в Казанскую центральную пересыльную тюрьму, но, поскольку военное положение было введено в городе уже после их ареста, их удалось судить не военно-полевым судом, а гражданским. Гражданский суд приговаривает осужденных к административной ссылке в отдаленные пункты России. Язвицкому выпала Мезень.

Небезынтересно в этой связи прошение Валерия Язвицкого, вернее его тон, к тюремному начальству:

«Обращаюсь к Вашему чувству гуманности, г-н начальник, и прошу разрешить мне свидание с двоюродной сестрой моей Варварой Алексеевной Лапковой. Было бы бесчеловечно с Вашей стороны лишать меня (лицо тем более уже караемое, хотя еще не обвиняемое) дорогих мне людей. Ваши подчиненные почему-то упорно отказывают мне в этом». Свидания были разрешены.

В Казанской тюрьме навестил сына и Иоиль Иванович. «Я горжусь, что ты, Валерий, в эти дни здесь, – он показал на решетку, вытирая платком слезы, – не на воле. Крепись».

В тюрьме Валерий Язвицкий пробыл в общей сложности пять месяцев. Сохранились его записные книжки и дневники с заверительными надписями и печатями Казанской пересыльной. Они дают возможность заглянуть в сокровенное: уже к тому времени это вполне сложившийся характер сильного человека, сформированный всей максималистской атмосферой времени, об этом свидетельствуют записи отдельных мыслей, обобщений, стихов, черновые наброски к новой пьесе «Вечная трагедия»: «Сильный не должен обижать слабого, если не хочет этого. Слабый должен бороться, если не хочет рабства...» Или: «Я выше вас! Я понимаю, когда меня тащат за шиворот, и сопротивляюсь

всеми силами. Вы ж радостно идете, воображая, что это не шиворот, а ваша собственная воля...» Мотивы памятны и кумир очевиден... Позднее Язвицкий состоял в переписке с Горьким, советовался с ним, дорабатывая свои рассказы: один из них, «Тайбола», был опубликован в редактируемом Горьким сборнике «Знание».

Записные книжки его пестрят россыпью поговорок, припевок, чувствуется неподдельный интерес к народному говору:

Сыпь, сыпь, Яшка!

Три копейки чашка,

Три копейки дюжина!

Приди после ужина...

...Или вдруг – поразившие народные наблюдения месяцеслова: «14 июля (Кирик и Улита.) Если работать, то или мерин запьётся, или волк влезет и всю скотину съест». Целые собрания украинских пословиц, поговорок, воровского жаргона, тюремных песен. Все это потом пригодится, когда начнется профессиональная работа литератора. Стихи – подражательные, – Брюсову, и свои, пока еще слабые, – о любви... Пережитый миг прекрасного – одной строкой: «Уже три дня, как цветут акации», – по ней можно узнать будущего Язвицкого – лирика, раскрывшегося в эпопее об Иване III. И как кредо звучащая фраза: «Цель жизни – в самой жизни». Из всего этого складывается портрет симпатичного, напористого, внутренне одаренного молодого человека.

Женатый политический ссыльный получал в то время 40 рублей в месяц на питание и квартиру и 1000 рублей в год «одежных» – деньги достаточные, чтобы содержать семью, особенно в такой глухомани, как Мезень. Мужественно преодолев сопротивление родных, к Валерию приезжает Варя Лапкина: мезенский священник их венчает.

В Мезени Язвицкий сдает экзамены на частного поверенного и поступает на лесопильный завод братьев Ружниковых. Материальное положение укрепилось, а культурная жизнь и в далекой Мезени строилась доброй волей интеллигентных людей.

Как и повсюду тогда, существовал в Мезени любительский театр, сбор средств от представлений шел в пользу профессионального общества рабочих лесопильных заводов Архангельской губернии. Язвицкий принимает участие в спектаклях, издает газету «Мезенский рабочий».

Но такая «ссылная жизнь» продолжалась не дольше года. За организацию экономической забастовки на лесопильном заводе и материальную поддержку бастующих на протяжении более двух месяцев из партийной кассы Язвицкий, постановлением полиции, высылается на остров Моржовец в Белом море – почти необитаемый, только в сезон там работала «зверобойка», приходили поморы бить моржей. Ссылный скрывается в Мезени от полиции у разных людей, в том числе... у младшего брата того же лесозаводчика Ружникова, а племянник Ружникова дает ему свой паспорт и рекомендацию в вологодскую контору известных на всю Россию маслоделов Чичкина и Бландова. «Для конторы не было секретом, что я беглый ссылный, но никто меня не выдал», – вспоминал В.И. Язвицкий. С партией «вологодского товара» он добрался до Казани. Иоиль Иванович выписал за 15 рублей заграничный паспорт на имя младшего сына Бориса (паспорт тогда не имел фотографии), гимназический товарищ Михаил Косман дал Валерию 50 рублей, и с этими средствами Валерий Язвицкий «покинул родину и отправился в чужую страну искать себе угла и хлеба».

***Я жизнь сплетаю давно с игрою.
Ручьем сверкая, мой путь бежит –
Дворцы и храмы в мечтах я строю,
Голодный, нищий и «вечный жид»...***

Оптимизм молодости, помноженный на работоспособность и волю, никогда не подводил Язвицкого.

Непридуманные строки биографии – они дают нам, живущим в начале нового века, более точное представление о том далеком времени, нежели социально значимые романы или значительные в своих обобщениях социальные исследования. Пятнадцать минут страха при проверке документов в Вержболово – и поезд мчит по

Германии... Спутники в купе – русский врач, который едет вместе с женой и грудным ребенком. В соседнем купе – пара: пожилая дама говорит по-русски, оказывается, что муж ее, премьер-министр Болгарии Малинов, едет с ней до Вены. Увидев, что у молодого человека нет провизии, его радушно кормят до Женевы, всем очевидно, что он бежит из России, но и Язвицкому тоже очевидно, что «попутчики не станут доносить», и он откровенно признается: «Да, я вынужден покинуть родину. Я еду продолжать свое высшее образование в Женеву, где думаю обосноваться».

Сохранились письма В.И. Язвицкого. В них со всеми подробностями быта и бытия предстает русская Женева 1907–1910 годов. Прозрачность границ, надобности частного человека направляли встречные потоки передвижения. Разумеется, что в той же мере, как о «русской Женеве», «русском Берлине», «русском Париже», можно говорить и о «немецкой», «французской» и прочих Москве, Петербурге, Одессе... Довоенный мир Западной Европы и России был крепко увязан. До самого Бискайского залива, до модных пляжей Биаррица ощущалось тогда «русское присутствие» – в лучшем, гораздо лучшем для Европы, чем сейчас, смысле этого понятия. Богатые – в ложенных экспрессах, а не сановное, заштатное население российское ехало с пересадками, с бессонными ночами на вокзалах Берлина, Вены, Цюриха, Женевы. Особенно уплотнялся поток, когда двигалась с каникул в европейские университеты учащаяся молодежь, «по русскому стилю – в середине сентября». К нему пристраивались те, кто не владел языками. «От Цюриха русские встречаются чуть не на всех станциях», – читаем в одном из писем Язвицкого. Русский рубль стоил около трех франков, дорога – сорок рублей до Женевы, на двадцать рублей в месяц можно было там вдвоем свести концы с концами. (Однако не забудем, что корова в то время в России стоила пять – семь рублей, крестьянская рабочая лошадь – десять, а взрослый мужчина на жатве поденно получал лишь двадцать копеек...).

«Европа – наше второе отечество» – это признание Достоевского все чаще приходит на память, когдаходишь в детали прочитанного. «Есть здесь при университете годовой курс французского языка, – пишет Язвицкий жене в Казань, – стоит

очень дешево, окончание его дает право учителя или учительницы гимназии в России. Если нам с тобой достать денег, то мы оба можем заpastись этими дипломами, и в России на первое время, а может и больше, заработок обеспечен. Администрация очень любезна». «Может быть, в Женеве придется работать на шоколадной фабрике, как большинству эмигрантов,— и то не беда, лишь бы чем жить было»,— уговаривает он приехать жену. То есть при собранности и трудолюбии можно было выжить и получить образование, даже приехав без гроша в кармане. С жильем в Женеве Язвицкому повезло: в день приезда ему повстречался старый знакомый, который привел на квартиру к В.И. Ленину, где его радушно приветили и поселили на диване в гостиной, пока он не нашел себе подходящего жилья. В университет он поступает на второй курс естественного факультета: документы университетов всех стран были едины. Учеба напряженная, к тому же — курсы французского языка, а еще он пишет стихи и прозу, играет с большим успехом в любительских спектаклях в Женевском клубе политэмигрантов, где ставят и его пьесы («Болезнь духа», «Отпетый», «Орел»), выступает с докладами и лекциями в одной афише с Троцким, Алексинским, Богдановым, Луначарским в клубе социал-демократов; возглавляет комиссию при ЦК РСДРП (б) по оказанию помощи политэмигрантам. Для заработка приходилось заниматься мытьем посуды в студенческой столовой, давать уроки латинского языка и русской литературы детям эмигрантов: латинского — дочкам Шолом Алейхема, а литературы — внукам «толстовца» художника Гё.

К моменту окончания университета (1910) Язвицкий — автор рассказов, опубликованных в столичных газетах и журналах. И хотя писательство давало ему уже материальную поддержку, он считал себя больше ученым. В том же 1910 году он едет работать в Болгарию в биологическую лабораторию русского профессора Порфирия Ивановича Бахметьева, занимавшегося проблемами анабиоза насекомых и животных. О собственных научных исследованиях Язвицкого никаких сведений не дошло.

Вскоре Язвицкий становится собственным корреспондентом «Русских ведомостей». Со всем пылом исследователя-ученого он входит в историю и культуру южных славян, пишет статьи об

искусстве, этнографии – глубокие и обращающие на себя внимание. По поручению Российской академии наук к пушкинскому юбилею он готовит историческое исследование «Кто был Кирджали?» – герой одноименной повести Пушкина, в котором дал обоснованное доказательство, что Кирджали был не румынский «гайдук» – разбойник, а болгарин, принимавший участие в борьбе греческих повстанцев против турок под Скулянами в Валахии. За это исследование Язвицкий был избран действительным членом Российской академии наук. Работа напечатана лишь в 1921 году в Петрограде Пушкинским Домом.

На Балканах назревали события, которые разразятся Первой мировой войной. «Россия и Болгария», «Шипкинская провокация», «Чьи руки приложены?», «Кровные братья» – Язвицкий знакомит российского читателя со своими наблюдениями. И вот 1914-й – выстрел в Сараево. Как военный корреспондент, он на переднем крае событий. Всю Россию взволновала серия его статей, полных сострадания и гнева – «В сербских окопах». Наконец, Валерий Язвицкий становится профессиональным литератором. Выходят его роман «Из книги бытия», сборник любовной лирики «Избранное», повесть «Пепельный человек»; театр Корша готовит к постановке новую пьесу «К вершинам человечества»; трагедия «Храм солнца» – о борьбе каст в фантастической стране, напоминающей Индию, – идет с большим успехом в Нью-Йорке на Бродвее; кинодрама «В хороводе жизни» включена в «Золотую серию» киножурнала «Пегас», и Алексей Ханжонков, лидер русского дореволюционного немого кино, ставит по ней «фильму»...

Язвицкий хочет вернуться на родину. Но бежать из России оказалось проще, чем въехать в нее законным путем. Его прошения директору департамента полиции долго не имеют успеха, и лишь осенью 1915 года Валерий Язвицкий возвращается на родину.

Десять лет напряженной работы, научные познания, знание жизни и собственные прозрения... Европа, ввергнутая в хаос, но виденная им еще на переломе, еще в сохранности сложившегося благополучия и равновесия, кровь ни в чем не повинных людей, ставшая платой за чьи-то амбиции, – все это изменило баррикадное мировоззрение Язвицкого. В 1912 году Язвицкий

выходит из РСДРП и больше никогда не вступит ни в какую партию.

После Октябрьской революции Валерий Язвицкий работает на Наркомпрос, работает увлеченно. Энциклопедичность знаний, дар автора о сложном сказать просто и увлекательно делают его книги доступными всем. Вот некоторые названия: «Земная кора и ее история», «История кусочка сахара», «История человеческого жилища», «Как люди научились писать, читать и печатать книги», «Сказки и правда о небе». Некоторые из этих небольших книжечек до сих пор не утратили своего познавательного значения, хотя человек шагнул уже в Космос, даже побывал на Луне, о чем в 30-е годы можно было писать только фантастические рассказы и повести – это была еще одна форма популяризации знаний, избранная Язвицким... «Гора лунного духа» (1924) и «Остров Тасмир» (1940) – два романа о будущем цивилизации, о роли человека в ее сохранении, о границах свободомыслия в науке. Именно об этом, о свободомыслии и подлинно независимой науке, будут им написаны перед войной еще два романа – исторических: «Непобежденный пленник» – об Ипполите Мышкине, народовольце, сподвижнике Чернышевского, и «Сквозь дым костров», в котором с дотошностью ученого писатель исследует XVIII век во Франции и Испании, каким он в нравах, обычаях, религиозных понятиях предстал перед судом энциклопедистов.

Надо признать, что значительная часть русской интеллигенции, в том числе и той, которая затем эмигрировала из России, подошла к буре семнадцатого года со взглядами, которые эту бурю и приближали. Оппозиция не только самодержавию, православию, но и отрицание устоев народной жизни были присущи поколению «решительных людей», готовых в угоду модным философским идеям изменить все и вся. Негативным было отношение к самой истории России как государства: в забвении той трагической – с Востоком и Западом одновременно! – борьбы за национальное выживание, условием которой и была для русских «особость» их государственной и религиозной жизни.

Грянувшая в 1941 году война явилась испытанием не только для народа, но и для идей... Оказалось, что для одоления врага новых идей явно недостаточно – кроме официального «советского

патриотизма», пришлось призвать также и патриотизм национальный, вспомнить «славную и героическую» русскую историю, согласиться на большую роль Церкви, возродить ее патриархат.

Валерий Иоильевич не уехал из Москвы даже в страшные для столицы дни октября и спешил со своим «словом» к воинам, которые уже через несколько часов марша оказывались на фронте. В огне войны была сама сердцевина России. В эти дни он, старый интеллигент, как бы заново увидел народ, явивший из нетронутых глубин своих подлинный патриотизм и подлинно высокую – при неохоте к «высоким» словам – любовь к родине, и удивительное среди жестокостей и лишений милосердие. И значит, все это было, было в народе, шло из веков. Вот почему Русь вставала всегда из пепла и разорения, так Валерий Язвицкий выстрадал доминанту своего эпического повествования «Иван III – государь всея Руси». Ее героями, как и в произведениях, создаваемых в это время другими писателями, стали мужи Прошлого.

Народ, четверть века воспитывавшийся в отрицании патриотизма, в забвении своей истории и подвигов предков, в час испытания снова призывал на помощь своих князей и государей, и они как бы протягивали руку помощи, воодушевляя своих потомков примером воинского подвига.

Все, что собрал Язвицкий – человек, писатель, историк, философ, психолог, этнограф, фольклорист за годы упорного труда, – все обрело место в романе. Поистине писатель оставил труд энциклопедический по полноте знания всего того, что составляло жизнь русского человека того далекого времени, будь то князь или смерд, монах или воин. И Византия, и Орда, и Рим также получили в романе полнокровное воплощение. Каждый, кто уже прочитал роман, не мог не увидеть: идейные крепости в этом произведении не так просты, как может показаться при его пересказе. За узорочьем великокняжеских нарядов и выездов, застолий, празднеств и битв, за более скромным узором жизни неименитого человека автор пытается разглядеть главное: что из той, давней, человеческой жизни осталось нетленным и, пройдя чрез горнило веков, питает жизнь его современника, не дает ей ссохнуть и рассыпаться в прах. Всем строем романа, всеми

образами, как они решены писателем, он отвечает: любовь. Любовь к семье, к родительскому дому, любовь жены и мужа, дающая новую семью, любовь к земле, на которой вырос... В суровый век разъединения писатель воспевал естественные, вечные человеческие чувства. И собственную преданную любовь к отцу, благодарную память об отчем доме – Язвицкий художественно засвидетельствовал, дав вечную жизнь в романе отцу своему Иоилу Ивановичу в образе попака Иоиля, с «седой головой-одуванчиком». Это он рассказывает мальчику-князю Ивану о Царьграде – как, наверное, рассказывал когда-то Иоиль Иванович детям своим... Память сердца, связывающая времена и народы, жизнь тех, кто жил раньше, – с жизнью своих современников.

Когда-то, еще юношей-студентом, в Казанской тюрьме, Язвицкий написал: «Смысл жизни – в самой жизни».

«Тетку твою родную, княжну Анну Васильевну, – сопровождал я в Царьград...» – говорит поп Иоиль. И Царьград становится князю Ивану уже не далеким, а своим, близким из-за родной тетки, живущей там... Лекарь в суздальской обители Спасо-Евфимиева монастыря, инок Паисий, говорит князю Ивану: «Я был во ем у деда вашего. Великого князя Василия Васильевича сыдетства знаю, здесь же ему раны врачевал, когда в полоне у татар он был. Вас же, внуков Василия Дмитриевича, увидеть мне сладостно». И пред читателем, и пред внутренним взглядом князя Ивана выстраивается цепочка новых жизненных крепей. А когда крепь слабеет – жизнь уходит, будь то жизнь человека или целого государства. Это видно и на судьбе главного героя романа. Жизнь, поначалу оживотворенная любовью: к любимой жене Марьюшке, к сыну любимому Ивану, – этой любовью и памятью о ней жив Иван III – государь. И как суха и до однообразия постыла жизнь его, превратившаяся в одну непосильную работу, когда нет любви в семье, когда его новая женитьба – на греческой царевне Софье Палеолог – тоже, по существу, государственное дело. Огромная романная эпопея выходила в свет частями, по мере ее создания, начиная с 1946 и кончая 1955 годом. Война подточила силы этого могучего человека – ограниченность в пище, холод и огромная мозговая работа простучали первыми ударами инсульта.

Он справился, отлежался в госпитале. Жена была далеко, в эвакуации ... И на помощь пришла молодая женщина, машинистка, печатавшая его книгу. Она навещала его во время болезни и искренне плакала, ведь может случиться самое худшее и никогда в жизни она не сможет прочитать продолжение этого удивительного, невыносимо тяжкого в исполнении произведения, которое связало ее с Валерием Язвицким. И, отдадим ей земной поклон, Нина Павловна Брюханова стала искренней энтузиасткой этой книги, помощницей писателя. Она уже не считалась со временем, шла в библиотеку, заказывала необходимые книги, приносила их стопами углубленному в работу писателю. А потом перепечатка написанного – раз, и два, и три – некоторые фрагменты. И радость выхода первой книги. Все равно – радость, хотя книга была посвящена Варваре Алексеевне Язвицкой.

А позднее, в 1952 году, когда инсульт стал отнимать ноги, она перевезла писателя из больницы в свою комнатенку в коммунальной квартире. И к 1955 году последняя, пятая книга романа была закончена. Писатель диктовал ее по памяти.

В этой странной для Москвы ситуации, породившей пересуды и сплетни, даже административный гнев (вот еще – Ламех советский), Варвара Алексеевна была чутким, все понимающим другом. Она не могла так помочь Валерию Иоильевичу, хотя конечно же и желала. Она была старше его на девять лет, и ее тоже одолевали хвори. Только любимые пирожки с луком пересылала она через знакомых, как передавала когда-то свои передачи Валерию Язвицкому, заключенному Казанской тюрьмы.

В прессе и в писательских кругах мнения о романе разделились. Одни критики упрекали Язвицкого в том, что «целые главы написаны по образцу древних святцев», утверждая, что стилизация «под старину», употребление устаревших, книжно-церковных слов и выражений противоречит требованию социалистического реализма...» Другие отстаивали, защищая роман, единство русского языка, право писателя выбирать форму выражения для своих чувств и мыслей: «Рапповцы и пролеткультовцы всегда старались проложить пропасть между языком современным и между языком прошедших эпох»... Яростные споры сотрясали стены учреждений, от которых зависело «пускать

или не пускать» в свет детище писателя. И сегодня, по прошествии стольких лет, нельзя не сказать доброго слова о гражданском мужестве издательства «Московский рабочий», которое, невзирая ни на какую критику, подарило читателям все пять книг романа. А два года спустя, 23 октября 1957 года, в очень тогда сложной общественной атмосфере вокруг его имени организовало похороны своего замечательного автора на Новодевичьем кладбище.

Роман Язвического «учит любить жизнь» – в этом Лев Толстой видел смысл художественного творчества, и это высшая похвала писателю, создавшему книгу, которая уже полвека учит людей любви и добру.

ВАЛЕНТИНА СЕРГАНОВА

В статье использованы материалы из архива В. И. Язвического: РГАЛИ, Ф. 585. Оп. 1. № 29, 32, 33, 35, 39, 43, 52; Оп. 2. № 12, 73, 77; Оп. 2. № 73 (фото)

Из стихов Николая Удовенко. «Связистка»

Николай УДОВЕНКО, журналист, ветеран Великой Отечественной войны

СВЯЗИСТКА

Всё бои да бои, наконец-то свиданье,
Из-под пилотки – веселая прядь.
Улыбка – награда за ожиданье
И милый девичий сияющий взгляд.

На солнцем прогретом пригорке сидели.
Не ведая, что судьба уготовила нам,
Мы школьные песни тихонечко пели.
Казалось, что плыли по теплым волнам.

Зачем же потом меня не было рядом
В ту грозную ночь – мне ее не забыть,
Ведь мог же тебя от осколка снаряда,
От смерти летящей собой защитить...

А утром – слова пожилого комбата:
«Здесь ройте, у сосен, здесь легкий песок».
Из рук непослушных выпадала лопата.
И мокрым от слез был ее черенок...

Ушли все, кто помнил её ясноокой.
Лишь в сердце моем она вечно жива.
Над нею – такой одинокой, далекой
Всё шепчет молитву забвенья трава.

Фото из архива РИА Новости

Наталия Заславская и ее стихи

Наталия Дмитриевна Заславская родилась 2 июля 1929 г.

В 9 лет она лишилась матери, а в 13 не стало отца. Наталия поселилась в семье брата, который стал её опекуном т.к. разница в годах у них была 25 лет.

В 11 классе приобрела профессию учителя начальной школы.

Потом был Московский заочный пединститут – факультет русского языка и литературы, который дал ей право нового творческого совершенствования. Наталия Дмитриевна стала преподавать русский язык и литературу в старших классах. В связи с замужеством пришлось покинуть Москву.

Были города Ковров и Струнино где, по распределению супруг работал в МТС, а Наталия в школе, которой посвятила 10 лет.

По состоянию здоровья Наталии Заславской пришлось оставить карьеру педагога.

Встреча с О.Л. Книппер-Чеховой явилась поворотным шагом в творческой биографии Заславской. Их беседа, обнаружившая взаимопонимание и общность взглядов на обсуждаемые темы,

произвела на Наталию Дмитриевну сильное впечатление и явилась для неё логическим мостком от преподавания литературы к практической работе литератора в журналистике.

Стоит упомянуть участие Заславской в киносъёмках на различных киностудиях Москвы и Ленинграда, в театральной самодеятельности и профессиональном театре – студии «Романтики». Выступления со стихами на разных сценах Москвы от творческого объединения «Я», творческие встречи со зрителями в домах отдыха, пансионатах, санаториях, библиотеках, в обществе социальной защиты.

К этому стоит отнести и Совет ветеранов, литобъединения Москвы и женские клубы при ассоциации журналистики ЦДЖ, при доме музее К.Г. Паустовского «Золотая роза», Доме Литераторов...
Творческая жизнь

Наталии Дмитриевны Заславской многоцветна и многообразна. К ней прибавилось участие в более чем 60 альманахах от многих издательств.

В 1999 г. вышла авторская книга «Душа к гармонии стремится».

Более 50 лет жизни отдано журналистике. Наталия Дмитриевна 40 лет член Союза журналистов, с 2007 г. – член Союза писателей России.

Предлагаем несколько стихотворений Н.Д. Заславской.

МОЕЙ РОССИИ

Будь здорова, матушка родная,
Ты, Россия, вольная моя!
Силой духа боль превозмогая,
Словно мать, родившая меня.

Так рожай и ты себе на славу
Для земли опору жития.
Умножай в веках престиж Державы,
Русь святая, Родина моя.

Будь здорова, матушка родная,
Ты, Россия, вольная моя!
Силой духа боль преодолевая,
Словно мать, родившая меня.

Процветай и царствуй ты по праву,
Для детей – опора бытия.
Сквозь века носи свой свет, Держава, -
Русь святая, Родина моя.

НАСТАВЛЕНИЕ ... СЕБЕ

*Говори по сути,
Ну, а Бог рассудит.
(Автор)*

Говори по делу,
Что в душе осело, –
Что несет рассудок, –

Время-Бог рассудит,
Что тебе полезно.

Вопреки болезни,
Обрети покой
В суете мирской.

СЫНУ

А мне нравится жить так бедно,
Как сейчас мы с тобой живем.
И такое порой не вредно:
Столько новых красок найдем!..

И мне нравится жить так ярко –
Я давно уже так не жила.
Мне природа теперь – подарком,
Как улыбка твоя, светла.

Мне грустить никогда не скучно,
А иначе и нет стихов...
Лишь бы не был ты равнодушным,
Был бы добрым без лишних слов.

НАСТАВЛЕНИЕ

Дни летят, как бешеные кони...
Жизнь моя – сплошной круговорот!
Не вместишь охват всех дел в ладони,
Хоть с одной, но часть в песок сойдёт.

Знаю я, чтоб кровь не холодела,
К творчеству не надо остывать,
Чтоб любое начатое дело
До ума вести не уставать.

Юрий Сенчуров: Об одном затмении в отечественной культуре

Исполнилось 40 лет, как Юрий Николаевич Сенчуров вступил в Союз журналистов. Сразу же стал членом секции литературной критики: к тому времени его статьи были опубликованы в нескольких центральных журналах. Он с отличием окончил Литературный институт имени М. Горького, работал в издательстве «Художественная литература», заведовал отделами в редакциях журналов «Огонёк» и «Октябрь».

Перейдя на внештатную работу (в 60 лет...), посвятил себя

популяризации творчества отечественных и зарубежных писателей и учёных. Он автор повести о А.Л. Чижевском «Солнцепоклонник»; эссе о творчестве члена Французской Академии Клода Фаррера, отмеченного французской критикой.

Юрий Николаевич подготовил и представил читателю собрания сочинений и однотомники Алексея Чапыгина, Ивана Наживина, Н. Северин (Н.И. Мердер), Даниила Мордовцева, Рафаила Зотова, Валериана Светлова, Клода Фаррера, Грегора Самарова (Оскара Мединга). Особо стоит отметить его работу по изданию первого в России собрания сочинений классика английской (и мировой) литературы Томаса Харди и собрания сочинений писателя-эмигранта Василия Ивановича Немировича-Данченко...

Жизни и творчеству Василия Ивановича Немировича-Данченко Ю.Н. Сенчуров посвятил представленный Вашему вниманию очерк

ОБ ОДНОМ ЗАТМЕНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Попробуйте спросить о...

– Василий Иванович Немирович-Данченко? Ну как же!.. Известный был театральный деятель.

А другой, более «знающий», еще и поправит:

– Только, извините, не Василий, а Владимир.

Увы! До сих пор мы, в большинстве, и даже подчас с «высшим гуманитарным», помним лишь одного Немировича-Данченко. Один он и в обеих наших энциклопедиях, Большой и Малой, один – в наименовании театра Станиславского и Немировича-Данченко...

Наконец, в Гуманитарном энциклопедическом словаре (2002 г.) объявили второго В.И.Н.-Д. (нельзя было больше его не

объявлять) – Василия Ивановича. Ну, конечно, и здесь – прежде всего, что он... «брат». Брат Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Всегда в словарях обозначение кого-то в качестве родственника означает его меньшую роль в Истории. Еще бы: дважды лауреат Сталинской премии, народный артист СССР – один, и эмигрант – другой...

Да нет, не перераспределение здесь тех «ролей», которые сыграли в нашей отечественной культуре эти родные братья. Отнюдь! Замечательная деятельность Владимира Ивановича Немировича-Данченко по реформированию русского театра была широко известна и до революции. Но – с другой стороны:

«В России нет грамотного человека, который не знал бы Василия Ивановича Немировича-Данченко. Несколько поколений русских читателей выросли на его книгах. Деды, отцы, внуки – Немировича знали все: от солдата до царя, от семинариста до митрополита, от гимназиста до... Плеханова».

Да, сказано это было тогда и нам, живущим в родных пределах – но уже именно что *с другой стороны*, в издаваемой эмигрантами газете «Русское эхо»... В день юбилея писателя.

С юбилеем поздравляли Василия Ивановича по старому исчислению времени – 23 декабря 1924 года, а если «по новому» – его 80-летие «ушло» бы в следующий, 1925-й. Скажете: ну и что из того – хотя и в следующий? Однако, судя по воспоминаниям эмигрантов, «старый» календарь имел в их жизни значение особое... Ибо, хотя во всех своих тех «европах», «америках», «австралиях»... жили они уже не временно, не проезжими любознатцами, а – *до конца*, так что не могли не считаться с новым календарем (введение его было и одним из первых шагов Советской власти), но... как раз в отмечаемые ими по старому стилю – Рождество, Пасху, Троицу, в дни своих рождений и именин жили они, русские люди, хотя бы в эти дни – в России...

Но откуда составители упомянутого Словаря взяли, что «родился Вас. Ив. Н.-Д. в 1848/49»? Ведь в 1862-ом он уже окончил

кадетский корпус, а в следующем году поступил в университет – так ведь не тринадцати же лет отроду. Опять же – эта его знаменитая «Поездка с богомольцами в Соловки»... Невозможно такое, ставшее тогда известным всей читающей России (и не только России, и не просто «читающим», но – ученым, литераторам, государственным и политическим деятелям) – совершить такое паломничество-исследование еще в молодые годы, в двадцать пять лет (ездил и писал в 1873-ом, напечатал в 1874 году). Карл Маркс прочел «Соловки» (по-русски) сразу же после философских работ Чернышевского. ...Ну да и не для того только, чтобы исправить эту ошибку, приведем здесь выписку из метрик Тифлисского кафедрального собора за 1845 год под № 1: «...у капитана Ивана Васильевича Немировича-Данченко, Православного исповедания, и законной жены его Александры Каспаровны, в девичестве Якубовой, Армянской веры, родился сын Василий, 23 декабря 1844-го и крещен 8 января 1845-го»[\[*\]](#).

Да, мать писателя – армянка, отец ... как тогда говорили, «принадлежал к дворянской украинской фамилии». Между тем, сам Василий Иванович знал себя русским. Что еще раз говорит о том, что русские мы – прежде всего духовно.

То есть, разумеется, принадлежность по крови к тому или иному народу вполне может сказаться на характере, на темпераменте человека... И хотя «кавказская тема» не была первой в творчестве писателя, однако, – Василий Немирович-Данченко на Кавказе родился, здесь аккумуляровал в себе столько солнечной энергии, что хватило на полные его три четверти века в литературе. О родном крае изданы им десятки книг, самые значительные из них романы: «Горные орлы», «Горе забытой крепости», «Разжалованный», «Князь Селим». О многом из того, что происходит сейчас на Кавказе, задумываешься при чтении этих романов...

Да, признает автор, конечно же, приход России на Кавказ – это и участие в судьбе народов-единоверцев (геноцид против христиан подчас принимал здесь уже не стихийные, а государственно управляемые формы, отсюда десятки посольств с

мольбой о присоединении армянского, грузинского и осетинского народов к России – и скольких тысяч своих сынов стоило России это спасение!). Однако писатель Василий Немирович-Данченко изображает в своих «кавказских» произведениях состояние душ, совершенно отличное от нынешнего, например, в Чечне... Враги тогда уважали друг друга – было тогда за что друг друга уважать! Все-таки, в отличие потом от советской, царская власть оставила внутреннюю жизнь кавказских народов им самим (свободу вероисповедания, местное самоуправление, суд).

Прекрасное знание автором горской, казаческой, гарнизонной жизни помогало ему написать картины Северного Кавказа, интереснейшие по национальному и природному колориту. Долг, честь, священное чувство защиты родной земли, благородство – все это, переплетаясь в обстоятельствах и борьбе, тем более ярким высвечивало чувство, не знающее ни границ, ни наций – чувство любви. Или – такие, всегда присущие горцам черты, как мужское достоинство, верность слову, данному хотя бы противнику. Уже даже в небольшом по своему объему рассказе «Страшные люди» достаточно хорошо передано это беспримерное по благородству чувство – не окончательное, тогда еще невозможное примирение, но – куначество. Та вражда-дружба лезгин и русских, которая впоследствии вылилась в такое тесное вхождение в обычаи, сказать шире, в народную культуру друг друга.

Начало жизни будущего писателя было походным, в передвижениях по местам службы главы семьи... Боевого офицера, снискавшего расположение как начальства, так и местного населения также в качестве военного администратора.

Затем, как и было положено в таких, потомственно военных семьях – семь лет в том самом «корпусе», в который собирался в упомянутом рассказе отдать сына комендант Дербента (в кадетском училище). И... можно себе представить, какая ломка привычек и представлений о жизни предшествовала решению выпускника корпуса вступить не на офицерское поприще, а в университет (Петербургский, в <st1:metricconverter

productid=»1863 г» w:st=»on»>1863 г</st1:metricconverter>.). «Призвала» Литература: стихи «кадета Вас. Н.-Д.» были напечатаны в 1858 году в «Журнале для воспитанников военно-учебных заведений».

Но «призвала-то» она, литература, духовно, а жить физически на первые гонорары было ох как трудно! И не только «на первые». И не только – ему одному... Потом Василий Иванович вспомнит из «писательской жизни» того времени:

«Тогда я еще всего тверже, лучше чем в редакции, знал дорогу к ростовщикам. Впрочем, не забывали эту дорогу, «закладывали» и те, кто был постарше меня: Глеб Успенский, Мамин-Сибиряк, Помяловский... Как-то появился здесь, во время одного из таких наших «посещений», Александр Слепцов – больше, правда, революционер, чем литератор... Увидел около дома знакомых, застеснялся, потом обронил, как бы мимоходом: «Я, знаете ли, сюда к одной даме...».

Так мы потом ростовщиков и называли: «слепцовскими дамами». Однажды у одной из таких «дам» (знаменитого Карповича – 10 процентов в месяц и за первый – вычет вперед!) я натолкнулся на поэта Якова Полонского, меланхолически мне заметившего: «Музы, мой юный друг, те же дамы – они дорого стоят...».

При оформлении заклада расписывались... Рассказывали, что некоторые из ростовщиков впоследствии хорошо заработали на продаже автографов знаменитых писателей.

Стоит также в этой («материальной») связи привести здесь и отрывок из воспоминаний о нашем великом поэте...

Однажды Василий Иванович, тогда еще совсем молодой литератор, на ночь забыл закрыть дверь комнаты, снимаемой им в «доходном доме». Наутро гость (писатель Мордовцев) застал его все еще в постели: не во что было даже одеться... Разделив пополам то немногое, что у него было, Мордовцев известил о случившемся те редакции, в которые они оба были вхожи...

«Некрасов приехал сам. Вошел насупясь, и прежде всего, хрипло и отрывисто облаял меня.

– ...Нечего сказать – картина: лежит наги – известный «подающий надежды», как облупленное яйцо. Штанов и тех нет.

И вдруг тон его стал мягок, глаза смеялись:

– Тут около портной Подшивалов... отошлите ему мою карточку, напишите, что я велел... Он завтра же вас оденет.

...Ушел. Под подушкой – визитная карточка, триста рублей.

Через два месяца прихожу... Николай Алексеевич мрачен, как осенняя ночь, хрипит больше обыкновенного...

– Чего вам?

– Долг принес.

– Какой еще?.. Когда это молодые писатели редакциям долги платили? Ну да, если это уж так у вас на совести... Вон, говорят, Омулевский нуждается. И примета скверная: возьму с вас долг и вдребезги – в Сельскохозяйственном!..

Рядом с Сельскохозяйственным банком находился тогда игорный дом – и не одна тысяча помещичьих вкладов из того банка пошла на поддержание редактируемых Николаем Алексеевичем журналов...».

Впрочем – для тех читателей Воспоминаний, кто не привык в них к «столь низким материям», – из воспоминаний об Ив. Ив. Шишкине... Не соглашаясь с художником в его, скорее мимолетном, принижении красоты лиственного леса... хотя бы, например, той же милой русскому сердцу березовой рощи, Василий Иванович все-таки «приводит» его монолог:

«В лесах наших что-то церковное... Особенно в сосновых, в борах. Точно тысячи паломников без слов, про себя, молятся, слышен стихийный шорох. На юге дело другое, там лес легкомысленный, болтливый, кудрявый, каждое там дерево само по себе... Чуть с

ним заговорит ветер – оно и радо поболтать о своем, о соседях же ему и дела нет. У нас же, на севере, лес общинный, весь живет одной душой... Ляжте на сосновую осыпь, закройте глаза – и вам покажется, что все эти стройные мачтовые богатыри кругом ... полны одною общею, разлитую во всех них мыслью.

...И сам Иван Иванович был похож на лесного богатыря, обросшего несокрушимую корю».

...Однако, возвращаясь к теме «духовного призыва» в жизни Вас. Ив. Немировича-Данченко, отметим: армия, солдаты и офицеры, станут той средой, в которой потом пройдут многие и многие его дни. А сам он в российской армии будет признан «авторитетнейшим из военных писателей».

Так, в 1876 году, уже будучи широко известным читающей России, он – среди русских добровольцев, сражающихся за свободу Сербии. Был на этой войне и отмечен – орденом Святого Георгия и... турецкой пулей. Но через год – возвращается на Балканы, на этот раз в Болгарию, за свободу которой вступилась тогда Россия... Изданную затем книгу («Год войны», 1879) – еще раньше в качестве репортажей боевого корреспондента перепечатали из русской периодики все крупнейшие газеты Европы, Америки, и даже одна из газет Стамбула – настолько ярки и достоверны были свидетельства очевидца этой войны. По возвращении же домой все увиденное и пережитое переплавлялось в художественные произведения; из них, о войне в Болгарии у Немировича-Данченко – наиболее значительный роман «Боевая Голгофа».

Затем писатель становится горестным очевидцем сначала русско-японской (он ее называл «слепой войной»), а затем и русско-германской войн... О первой из них, кроме нескольких книг рассказов и очерков – роман «На братских могилах», о второй – сразу вошедший в его очередное «новое» собрание сочинений – роман «Под дамокловым мечом». Да, если к его литературным свидетельствам о прежних войнах еще как-то и применимо высказывание одного из его современников: «...он словом, как Верещагин кистью, обслуживает многих приверженцев батальной

живописи» (как видим, сам тон этой довольно односторонней характеристики не очень дружелюбен к ним обоим), то теперь взгляд писателя на войну как таковую становится куда более критическим... То есть все та же любовь к русскому солдату и в рассказах «Порт-Артур», «Ave Maria», но уже – отход здесь от того российского государственного патриотизма, который был столь жесток и действительно слеп в борьбе с японцами за корейские и китайские, а с немцами за польские земли. Не потому ли еще мы пожали на кровавых нивах тех «слепых» и ненужных народу войн... наши революции и гражданские войны?

Но как еще до таких горьких раздумий было «Немировичу» счастливо далеко, когда в 1868 году, сразу же после окончания университета, он не мог более сдерживать свою давнюю (не со времени ли походного детства?) страсть к путешествиям... И никто потом в России, ни один литератор, не описал столько – а, главное, равно хорошо, ярко – своих странствий, как Василий Немирович-Данченко.

Питомец жаркого юга России (о нем, Кавказе и Крыме, – тоже потом напишет немало книг), сначала кинулся он в такую «Беспросветную глушь» Севера, за описание которой, не думая об этом, не гадая, был рекомендован и принят в члены Русского географического общества. Но, конечно же, его книги («На Далеком Севере», «Страна холода», «За северным Полярным кругом», «Новая Земля», «В пустынях Лапландии», «Мурманская страда», «Затерянные в океане». «Свет во мраке светит» и еще немало других) читающая Россия приняла не как «географию», а как художественные картины, как Слово о Русском Севере.

Тем более, что эта почти безлюдная «сторона» издавна привлекала к себе и людей деятельных, «охотников до морского зверя», и тех, кто искал близости к Богу – вдали от людей... Однако именно их «пустыни», основанные ими здесь монастыри, и становились центрами духовного притяжения многих. Сюда шли, чтобы найти здесь себя, утвердиться в вере, которая помогала выстоять во всех невзгодах, болезнях тела, но главное – души... Шли – подчас с последней копейкой, шли, готовые своими руками

помочь в Божьем деле – обустройстве монастырского хозяйства. Многие оставались здесь на всю жизнь – для молитвы и для труда, трудниками и монахами. В основном это были крестьяне.

Так (основанный еще в 1429 году), начал расти, притягивая к себе трудников и паломников со всей христианской Руси, и Соловецкий монастырь...О котором в 1874 году в журнале «Вестник Европы» напечатал свои «Воспоминания и рассказы о поездке с богомольцами в Соловки» Василий Немирович-Данченко. Первым, с похвалой, откликнулся на эту публикацию Тургенев (в письме к редактору журнала М. М. Стасюлевичу). В одном из немедленных в печати откликов литературной критики говорилось: «Живой, содержательный очерк написан в беллетристической форме, с редким умением придать ему общий интерес...».

«Общий интерес» этому очерку (отдельным изданием, под названием «Соловки» он затем выходил множество раз) придавало не только, как выразился о нем Тургенев, отличное литературное исполнение (чего стоят одни лишь описания уникальной северной природы), но, главное, глубокое вхождение в жизнь насельников Соловецкого монастыря – жизнь, которая на самом деле была в течение нескольких веков жизнью монахов-крестьян. И каких замечательных результатов добилось это русское крестьянское царство и в духовном и в экономическом отношениях!

Конечно, каждый и в литературном произведении видит свое... Например, Карла Маркса (старательно, ученически аккуратными русскими буквами вписал он «Соловки» в каталог своей «Русской библиотеки») вряд ли при чтении взволновало наполняющее эту книгу национальное чувство русского человека – скорее, его занимал изображенный в книге свободный труд: «Возможен ли такой труд в обществе, освобожденном от эксплуатации человека человеком?» Можно предположить, что император Александр Второй, прочитавший «Соловки» по представлению своего библиотекаря, между прочим задумался о том, почему в Соловецком монастыре мало – так мало по сравнению с боярскими временами – представителей потомственно благородного сословия, которое он недавно освободил... от потомственного позора

рабовладения. Тургенев, прочитав книгу, наверное вспомнил виденное и слышанное им из монастырской жизни. «Однако же... – может быть, подумал Иван Сергеевич, – какие разные типы русского человека вдруг объявились вместе... со всей Руси сошлись на этой святой земле в одной жажде».

...О многом, в связи со всем пережитым потом несколькими поколениями, задумаешься теперь при чтении этой книги.

...Из предисловия к английскому изданию другой книги: «Немирович-Данченко – один из выдающихся русских романистов, живо описывает в «Биржевых магнатах» нравы и манеры петербургских биржевиков, выводя их «детьми Каина».

В самом деле. В этом романе о капиталистическом строе России много такого, о чем теперь правнуки дореволюционных рабочих не хотят знать (подобно правнукам крепостных рабов в их нынешней ностальгии о «поручиках Голицыных»). Да и сами предприниматели подчас слишком были далеки от Третьяковых и Морозовых... Вот, например, Капитону Бубнову государство заказало построить железную дорогу... Другой предприниматель, Минк, убедил Бубнова выдать ему «договор-заказ» на то, что он поставит ему шпалы. Получил Минк документ, а на другой день потребовал от Бубнова отступного... «За что?» – изумился тот. – «А чтобы я вернул тебе этот договор: шпалы-то я не подумаю тебе... А станет их поставлять тебе кто другой, – и я тогда поставлю их к сроку: золотыми тогда будут для тебя эти шпалы; за неустойку же в случае... опять же мне...». Повертелся, повертелся Бубнов – да и отвалил Минку семьдесят пять тысяч.

Впрочем, и сам-то он, Бубнов, – художника Короткова обозвал «малой душой» – после того как продал тот ему свою красавицу-жену за сто пятьдесят тысяч. Но Бубнов только потому и назвал Короткова «малой душой», что мало тот попросил...

И – на ту же тему в связи с другим романом, – пишет в конце прошлого века уже наш, отечественный критик: «Капиталистический строй – одна из туманных, скрытых пока драм

русской современности. Она не могла не поразить, не задеть за живое Василия Немировича-Данченко – наблюдательного и впечатлительного художника слова. У него и вылился роман «Волчья сыть», посвященный этому нахлынувшему на нашу жизнь бурному потоку, владычеству капитала. Здесь писатель сошелся с другим нашим романистом, с Маминым-Сибиряком, и во многих отношениях представил эту драму рельефнее и сильнее. Он дал яркие, выхваченные из жизни фигуры».

«Волчья сыть» (1896 г.) – это первый русский роман, изданный в Германии после установления в России советской власти. Читатель-эмигрант хотел возвратиться к тому в дореволюционной литературе, что хоть как-то – и даже, может, лучше, что «оттуда», как бы задним числом – прояснит причину произошедшей в стране трагедии... Капиталисту Безменову в романе противостоят не революционеры, не рабочие, а дворяне и крестьянские общины – и тем разительнее их крах. Поднимается в романе и тема отчуждения помещиков от деревни: ее вчерашние хозяева знать больше не захотели после 1861 года тех, многими поколениями которых владели и кто считал их не просто своими владельцами, но и защитниками от внешнего мира.

И потому с фразой, ставшей уже штампом – «писатель не принял Октябрьской революции», – наши историки литературы слишком поторопились в отношении Василия Немировича-Данченко... Из советской России он уехал лишь в 1922 году.

«...все чего-то ждали мы. Не нам-де судить грозу и бурю. Так трудно было нам, интеллигенции, признать бессмыслие событий, которых мы с сердечным трепетом ждали всю нашу большую, подготовившую их жизнь».

Но вот записи автора воспоминаний (да, их Василий Немирович-Данченко оставил нам множество (не забыть назвать лучшие из них: «Скобелев» и «О Чехове»), здесь речь о рукописи «Иов на гноище») становятся все трагичнее, он как бы вновь, по ходу времени своего пребывания в послереволюционном Петрограде, все

больше впадает в отчаяние, рассказывает истории (их подлинность не сможет опровергнуть никто), которые уже сами по себе не уступают в оригинальности фабулам самых известных пьес... Вот осужденные на расстрел разыгрывают для себя в тюремной камере, чтобы отвлечься от действительности, какой-то спектакль, чекист вызывает Алфимова, слышатся со двора выстрелы. Потом выясняется, что на вызов отозвался не Алфимов, а Ефимов. Общий хохот... Спектакль в камере продолжается...

Или – о Николае Гумилеве:

«На другой или на третий день после мученической смерти поэта, одна из его восточных пьес была поставлена в коммунистическом театре. В первом ряду сидели комиссар Чека и двое следователей. Они громко аплодировали и... вызывали автора».

Эти воспоминания были написаны уже в эмиграции, в Праге, в городе, который Василий Немирович-Данченко любил благодарной любовью и где прожил до конца своих дней. Написаны они судорожно, литературно не обработаны: автор не хотел их публикаций в течение еще долгого времени (они и не опубликованы до сих пор), опасаясь как христианин, что рассказом о жестокостях одного поколения может ожесточить поколение следующее...

Необыкновенная писательская продуктивность Вас. Ив. Н.-Д. удивляла многих. Еще Салтыков-Щедрин высказался об этом в свойственном ему ключе: «Немирович работает днем, а Данченко ночью». Критик начала 20 века в своем обзоре новинок литературы похвалил очередную его книгу следующим образом: «Немирович-Данченко пишет так много, что иногда хорошо...». Да, уже к тому времени было им издано только нового примерно на шестьдесят томов. Однако же, продолжая этот последний каламбур, стоит и сказать так: как же много работал этот писатель, если он наработал так много хорошего. Некоторые его книги переиздавались до десяти раз! Даже не сразу вспоминаются все темы, на которые писал великий труженик пера. В связи с военной – это еще и почти документальные зарисовки «Незаметных

героев», галерея портретов сестер милосердия. На тему христианства – почти классические рассказы, например, «Забывший рудник», «Бог простит»... Его рассказы для детей Толстой рекомендовал в хрестоматии. И даже в Русском Зарубежье, в этом, как он говорил, разумеется, с грустью, «последнем томе моей жизни», Василий Иванович Немирович-Данченко был одним из самых работоспособных писателей. Ему уже подходило под девяносто, а новые главы его романа (условно назывался «Она. Роман странствий»... правда, завершить это произведение писатель не успел) буквально выхватывали с его письменного стола, чтобы печатать в газетах немедленно, причем в редакциях чешских досадовали, что русские газеты эмигрантов их опережали с публикациями, ведь текст еще надо было перевести...

И даже в такие лета, при неослабевающей литературной работе, Василий Иванович Немирович-Данченко оставался тем же инициатором борьбы за общеславянское единство, каким знали его еще со времен Балканской Освободительной войны. (0 125-летию которой, самой бескорыстной и жертвенной из всех войн в мировой истории, о ста тысячах погибших тогда за свободу балканских стран наших соотечественников, мы, в современной России, позорно забыли: после многих торжеств, посвященных ей в СССР в 1977–78 гг., сотен тогда публикаций – в 2002–2003-ем – всего одна книга!) [\[†\]](#)

Надо сказать, в этой своей деятельности Немирович-Данченко находил поддержку у президентов Польши и Чехословакии, а его поездка в 1930 году по славянским Балканам привлекла внимание всего Русского Зарубежья. В Софии и Белграде встречали его музыкой оркестров, почетным прохождением воинских частей, немедленно по приезде принимали его монархи, лично вручали высшие ордена своих стран. ...Писатель Иван Шмелев – после этой его поездки: «Сердечно приветствую вас с приемом, оказанным Вам в славянских столицах! Иначе и быть не могло: ни один русский литератор и журналист не болел так искренне всем сердцем за славян и не принес им столько радостей защиты пером, как Вы». (Здесь кстати будет сказать, что письма

Василию Ивановичу Шмелева, а также Алданова, Адамовича, Амфитеатрова, Айхенвальда и других русских литераторов (если перечислять, то придется «пройти» по всему алфавиту) при их возможной в будущем публикации дадут нам весьма многое для понимания духовной жизни Русского Зарубежья).

Между тем, в составе именно этого Зарубежья видели себя в эмиграции и представители других российских народов... Но никогда не соглашался Василий Иванович с теми, кто видел в жизни этих народов в СССР одни негативы. Как не был он, познавший в своих странствиях дореволюционную Россию, согласен и с вождем мирового пролетариата, назвавшим его родину «тюрьмой народов» (это сейчас – «самый-самый» аргумент у некоторых историков разъединенных народов бывшего Союза). Например, нередко в его пражской квартире гостили те, кто знал и помнил свои корни в родной ему по отцу Украине (в таких в Чехословакии оказалось больше, чем в любой из европейских стран), и как раз украинцы здесь, вне родины, а также белорусы, почти все разделяли этот его взгляд на дореволюционную Россию... Начиная – с членов «Общества студентов малороссов и белорусов», бывавших у него особенно часто... И пусть эти молодые люди не помнили запаха нежинских огурцов (вдруг, однажды, каким-то образом доставили их в пражские магазины из украинского Нежина, так что чехи не успели опомниться, как весь привоз был разобран), но – именно средствами и усилиями членов этого Общества было напечатано открытое письмо (почтовая открытка) с изображением памятника Богдану Хмельницкому... Под изображением подпись: «Одному из творцов Великой России». И, ниже, мелким шрифтом, обращение этого великого гетмана к Переяславской Раде:

«– Всі ли тако соизволяете?

– Всі, всі, всі!

– Боже, сохрани, Боже, утверди, чтобы мы всі на віки едино булы».

...Нет, конечно, не разделял Василий Иванович господствующей тогда на его родине идеологии... Но почему в его архиве оказалась выписка из статьи Пьера Доминика во французской газете «Републик»:

«Гитлеровская Германия стремится к тому, чтобы обеспечить себе дружбу с балтийскими государствами: сначала зародить и развить в них фашизм, скопированный с немецкого расизма, а затем, когда эти местные наци захватят власть – заключить с ними союз. Если этот план удастся Германии, к самым воротам Петрограда протянется гигантский гитлеровский щупалец».

...Волновался старейший русский писатель за свою родину.

В 1929 году, 6 июня, пражское радио более четверти часа вещало (без перевода) на русском языке: Чехословакия отмечала День русской культуры. От ее имени, от имени великой культуры великого народа говорил почетный председатель первых «съездов писателей и журналистов за границей» Василий Иванович Немирович-Данченко. Он обращался не только к русским эмигрантам, но и ко всем славянам. И все – словаки, словены, словенцы, хорваты, чехи, поляки, сербы, македонцы, болгары – понимали этого, уже более полувека известного им писателя, все понимали русский язык – потому что хотели тогда его понимать – до того, как братство славян, историческое, вне границ и собственных укладов внутренней жизни, было нами подменено «лагерем социализма».

Хотя уже и тогда, в тридцатые годы, славяне в Европе с горечью видели, как разрывают родственную им русскую культуру... Казалось, только бы радоваться, как того, кто выступал от ее имени, Василия Немировича-Данченко, спешили поздравить с его очереднымилетиями великие деятели этой культуры: Рахманинов, Репин, Шаляпин... «Да сохранит Вас Бог на нашу общую радость!» – это из письма Бунина.

Но – ни слова ему с родины, из СССР.

И, значит, для них тоже... Будто уже и не было для эмигрантов

одного из создателей Московского Художественного театра, выдающегося режиссера, так много сделавшего для развития русского театрального искусства. Но – теперь столь признанного в СССР официально за постановки на сцене спектаклей: «Половчанские сады» Леонова, «Анна Каренина» и «Воскресение» по Толстому, «Горе от ума» Грибоедова, «Три сестры» Чехова, «Враги» Горького, «Любовь Яровая» Тренева... Жаль – не видели они этих спектаклей, иначе бы, может, и признали сами, что искусство в СССР подчас делает невозможное. Но нет: и здесь и там знали одного – «своего» Немировича-Данченко... Пожалуй что, не было в нашей отечественной культуре более разительного примера ее разрыва, чем это насильственное разъединение родных братьев. Каждая сторона видела за каждым из них свою Россию – здесь признавали ее только советской, там говорили, что Россию они увезли с собой.

Что ж, время – на все, что происходит... А Россия всегда одна, единая и неделимая духовно. Из этой России Василий и Владимир Ивановичи Немировичи-Данченко не эмигрировали никогда.

[*] В настоящей статье использованы материалы из архива Вас. Ив. Н.-Д. в РГАЛИ (фонд 355).

[†] Сб.: Шипка и Плевна – слава русского оружия: Энциклопедический путеводитель по истории Балканской освободительной войны (в т. ч. в Сборнике – книга Вас. Н.-Д. «Год войны»). – М.: Современник, 2003. – 287 с.: ил. – (Мир познания). ...Однако «познать» этот сборник, составленный более чем на две трети из материалов и иллюстраций, не публикуемых в 20 в., не захотели: об издании этой большой (юбилейной) книги не сообщила в своих «летописях» даже Книжная палата РФ, и ввиду ее «некоммерческого» с точки зрения «товароведов» содержания не была она принята к продаже ни одним (книжным) магазином. ...Стоит ли после этого обижаться на «неблагодарных болгар»?